

Владимир Кнари

Графоманы не плачут

Владимир Кнари
Графоманы не плачут

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кнари В.

Графоманы не плачут / В. Кнари — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04481-4

А что если халява существует? А если семеро гномов не желают отдавать спящую красавицу кому попало? А если эволюция на Земле пошла как-то не так, как мы привыкли считать? А если потусторонний мир не совсем такой, каким нам его малюют? Рассказы из этого сборника были написаны в период с 1998 по 2004 год. Смешные и не очень, наивные и серьёзные, про обычных людей и про гномов с чертями — здесь всё перемешано. Как и в нашей жизни.

ISBN 978-5-532-04481-4

© Кнари В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие автора	5
Подходящий жених	6
Исповедь	11
К Богине	14
Халява	17
Жертвы греха	20
Работа над ошибками	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Предисловие автора

Я начал писать рассказы, можно сказать, случайно. Мне не спалось, в голову лезли дурные мысли, а потом вдруг появилась идея, которую захотелось записать. И за одну ночь я написал целых два рассказа (кстати, оба они представлены в этой книге).

Я был воодушевлён и хотел узнать мнение близких мне людей, но так, чтобы они не знали, кто же автор. Так на свет вместо Алексея Герасимовича (моё настоящее имя) появился автор «Владимир Кнари». Позже я стал этим именем подписывать не только рассказы, но и статьи, а также несколько художественных переводов книг по вселенной игры StarCraft. И имя зажило само по себе.

Все представленные в этом сборнике рассказы были написаны в период с 1998 по 2004 год. Потом вдруг как отрезало. Для этого сборника я долго думал, какие из написанных мною рассказов вставить, а какие не стоит. Сел и перечитал все подряд, один за другим. Многие теперь, по прошествии лет, кажутся по-детски наивными и графоманскими по слогу. Другие я и сам до сих пор с удовольствием перечитываю. В итоге решил оставить меньше половины, но даже у этих стиль порой очень отличается.

Почему-то так вышло, что мне было интересно писать иногда откровенно стёбные вещи, а порой я уходил в более серьёзные темы. Но при этом уж очень часто мои герои оказывались в потустороннем мире, хотя и тут не обходилось без альтернативного взгляда на известные факты.

Но здесь я всё перемешал. И весёлое, и грустное. И наивное раннее, и более серьёзное позднее. Про наш мир, и про чертей с ангелами.

Если какой-то рассказ вдруг покажется скучным и неинтересным, смело пропускайте. Следующий должен быть лучше, я уверен!

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех тех, без кого эти рассказы могли бы и не появиться. Разумеется, в первую очередь это родители и моя жена. Спасибо Ольге Громько, с которой мы, можно сказать, вместе начинали этот путь, только она улетела вперёд, а я так и остался в хвосте. Спасибо Леониду «LLeo» Каганову за его помощь молодым авторам в Fido-конференции ОВЕС.РАСТЕТ (и за пельмени на его кухне, я помню!) А также всему русскому фэндому, который всегда меня воодушевлял.

И спасибо вам, что решили прочесть эту книгу.

Владимир Кнари, 6 августа 2020 года

P.S. Меня легко найти в интернете: все мои контакты собраны на <http://about.me/knari>, также я веду блог о книгах и многом другом – <http://knari.by>.

Подходящий жених

Бродяга по прозвищу Ветер не соврал. Отмахав несколько вёрст по оврагам и перелескам, царевич Еремеля наконец добрался до заветной горы. Воистину, всё было так, как воспевали в песнях заграничные певцы-скоморохи. И берёзка у пещеры, и бурый камень, поросший мхом, и даже три неведомых знака на стене, зовущиеся странно – эротическое уравнение.

Пока царевич решал, оставлять ли скакуна снаружи, или же въехать в пещеру верхом, солнце стало клониться к горизонту. Убоявшись не успеть до темноты, царевич спрыгнул с коня и бочком, прислушиваясь да приглядываясь, двинулся в неизведанную глубину, отдающую запахом гнили и тлена.

На счастье, по стенам чьей-то заботливой рукой были приспособлены гнилушки, потому идти оказалось не так и боязно. Вот только руки царевича в неясном свете отдавали непривычной синевой. Через полсотни шагов Еремеля узрел вдали конец туннеля, стало заметно прохладнее, и царевич перешёл на бег трусцой.

Яркий, но всё такой же синеватый свет резко ударил по глазам. Когда удалось взглянуть вокруг, перед царевичем предстала огромная пещера. Отовсюду сочился белый дымок с едким запахом, стены были подёрнуты инеем.

А в центре всей этой немой красоты в хрустальном гробу покоилась та, ради которой царевич и затеял своё опасное путешествие. Свет очей его, любовь наречённая, спящая вечным сном Снежнобелка. Ну или не совсем вечным, если верить всё тем же скоморохам да сказителям. Хотя странный цвет лица суженой и заставлял задуматься о правдивости древних легенд. Однако что в этой пещере не казалось странным?

Издали донеслось ржание оставленного у входа жеребца, и царевич Еремеля решил поскорее исполнить задуманное. Он приподнял крышку гроба, примерился, как бы половчее поцеловать Снежнобелку, наклонился, поднеся свои губы к синим устам будущей невесты и...

И в этот миг синий свет резко сменился красным, а вокруг зашумело, засвистело, заголосило ужасным голосом, будто сам Соловей-разбойник вернулся из небытия. В ужасе царевич отпрянул от хрустального ложа. Свет мигнул и погас. Гул исчез, но тишину всё ещё нарушал странный тихий свист.

Спустя несколько минут, когда рассудок царевича уже стремился унести прочь, свет вспыхнул ярко, по-солнечному, и молодой искатель приключений обнаружил, что в пещере стало заметно больше народу. Прямо по центру, вокруг гроба и всё ещё дремлющей суженой толпилось семеро низкорослых богатырей. И уж настолько были они малы, что самый высокий из них доходил царевичу лишь до пояса. Принадлежность же к богатырям удалось установить по амуниции: семь мечей волочились по земле у ног своих обладателей, разномастные шлемы украшали не по размеру огромные головы незнакомцев... Да много ещё всякой старой рухляди свешивалось с плеч явившихся как из-под земли хмурых низкоросликов.

Царевич от удивления сел на холодный пол, звякнув своим кладенцом по белой стене.

– Ишь, целовать удумал... Много вас тут таких ходит... – начал самый крупный из богатырей, хмуро поглядывая из-под тяжёлых бровей.

– Хорошо хоть сигнализация не подвела, – ответил другой, осматривая гроб. Он ткнул пальцем во что-то невидимое, и свет вновь приобрёл свой мертвенный оттенок, да и назойливый свист прекратился.

– Вот-вот, – встрепенулся самый мелкий и, на взгляд, самый противный. – На готовенькое вы все горазды! А ты её кормил, ты её поил? Или, может, гробик каждый день тряпочкой протирали да утку выносили? – Он так напирал, что царевич невольно отполз ближе к стене, опешив от такого натиска.

– Тише ты, брат Воскр! – остудил пыл крикуна здоровый парень с обнажённой грудью, бугрящейся мощными мышцами.

Царевич вообще с трудом понимал, кто эти малорослые богатыри, и о какой утке вопрошает мелкий. Страшная догадка родилась в голове: быть может, царевна бессмертная, как и Кощей, а смерть её в утке? Нет, быть того не может... Да и чего бы лежать ей бездыханной? С Кощеем было не так, ещё батюшка рассказывал: вот живёхонек был, а вот рухнул как подкошенный и издох на месте. А эта ни жива ни мертва...

Ещё один богатырь поправил покрывало на Снежнобелке и аккуратно опустил хрустальную крышку.

– Хорошо хоть не попортил... – буркнул второй, что ранее щёлкал чем-то позади гроба.

– И на том спасибо... – вредный низенький богатырь осуждающе взглянул на негодея, чуть не осквернившего опочивальню, и отошёл за спины своих братьев.

Царевич взял себя в руки, встал наконец на ноги и решился подать голос:

– Но ведь... как же так? Ведуны ж и песняры говорили, будто нужно придти и поцеловать. – Он задумался на миг, а затем вспомнил, процитировал по памяти: «Принцесса вспрянет ото сна, и на останках тех несчастий...»

– Мало ли что скажут! – перебил его первый малый. – Ну да, вспрянет. Куда ж она денется-то? А толку?

– Да что ты ему объясняешь, Понед? Гнать его взашей, вот и все дела... – снова подал голос вредный Воскр.

Понед, видимо, бывший тут за старшего, рукой остановил эту малоприятную для Еремелева слуха речь, осуждающе глянул на царевича: – Вот ты, по всему видать, царских кровей...

Царевич неуверенно кивнул.

– Звать-то как? – уже не так сурово поинтересовался Понед.

– Ерм... Емр... Еремеля, – в горле вдруг как комок застрял.

– Ну так вот, Еремеля царский сын, сам посуди: ну проснётся Снежнобелка – и что? – голос маленького богатыря стал спокойным, рассудительным.

– Как что? На коня и свадебку, как положено...

– Экий ты скорый, однако. Ну, она-то тебя полюбит, положено так. Заклинание такое, – тихо пояснил Понед. – А вот ты?

Еремеля аж опешил.

– А что я?

– А ты любить её будешь?

– Конечно, а то как же иначе?

– Знамо дело, – вышел вперёд до того молчавший богатырь без шишака на голове. Волосы его уже были припорошены сединой. – Все так говорят, что любовь до гроба, «жили они долго и счастливо и умерли в один день»...

– А потом мужики вспоминают заветы древних, типа «Каждый мужчина имеет право налево», – заговорил Воскр. – И пошло-поехало... Нет, мы нашу Снежнобелку за здорово живёшь не отдадим.

– А вы сами-то кто будете? – Только сейчас царевич осознал, что до сих пор даже представления не имеет, с кем свела его судьба-злодейка.

– Мы-то? – удивился Понед. – Мы – братья гнумы-богатыри. Неужель о нас в песнях не поётся?

– Не поётся... – ответил Еремеля. Он оглядел семерых братьев, оценил превосходящие силы противника, после чего понурил голову, с тяжёлым вздохом повернулся и побрёл к выходу из пещеры, где уже давно ржал его конь, соскучившийся по хозяину.

– Эй, царевич, ты куда? – окликнули его в спину.

Еремеля удивлённо остановился:

– Домой, куда ж ещё?
– А Снежная тебе уже не нужна? – спросил Понед. Позади него послышался шёпот Воскра: «Ну? Что я вам говорил? Им бы всем только целоваться!...»
От удивления Еремеля аж рот разинул. А после возвестил:
– Так вы сами... того... этого...
– Чего того-этого?
– Ну, не отдавать решили...
– Так за здорово живёшь и не отдадим. А вот коли докажешь честность своих намерений относительно Снежной, сумеешь убедить, что любить будешь верно, тогда и посмотрим...
Тут Еремеля явно обрадовался, потому как на лице его появилась хитрая улыбка, и он весело признался:
– Ну, искусство-то это я знаю. В лучших французских университетах проходили. А вот учитель мой, милейший мужичок, ещё особо отмечал меня среди прочих за умение целоваться...
Воскр при сих словах скривился:
– Да нет, Еремелюшка, это тебе тут не пригодится, мы и сами это можем.
Еремеля вновь взглянул на возделанный гроб и спросил:
– Так а что делать-то нужно? Как доказать?
– Ну вот, это другой разговор, – радостно потирая руки, Воскр двинулся к царевичу. – Сейчас мы тебе всё и объясним, Еремелюшка...

Объяснения длились долго и под добрую закуску. Понималось всё равно с трудом. Тогда выступил Воскр и предложил начать с простейшего: с письменных упражнений.

Упражнения эти заключались в том, что Еремеле подсунули огромный рулон бересты, на котором кривыми буквами были выцарапаны триста осемнадцать каверзных вопросов и варианты ответов на них. Судя по содержанию вопросов, составлял их сам Воскр, с первого взгляда так не полюбившийся царевичу. Спустя три дня и несчитанное количество жбанов медовухи испытание было пройдено и большинством гнумьих голосов признано успешным. Против такого решения был лишь сам Воскр, которого не удовлетворили ответы Еремели на вопросы «Кому на Руси жить хорошо?» и «Кто виноват?». Однако его возражения были отклонены, потому как объяснить наличие данных вопросов в испытании на способность любить Снежную он не смог. А вот ответ на вопрос «Что делать?» был одобрен всеми единогласно.

Далее весёлый гнум-богатырь Серед предложил сыграть в угадки. Сия игра заключалась в том, что уставший от объяснений и вопросов царевич должен был узнавать предметы обихода своей потенциальной невесты. Из предложенного набора (в который входили нижняя юбка, портянки, хрустальная туфелька, двуручная секира, самовар и подозрительный туго скрученный ватный валик) он с лёгкостью выбрал юбку с туфелькой, лишь на миг засомневавшись по поводу самовара. Главный судья Понед и тут решил признать победу молодого царевича.

Когда на пятый день в светлице братьев закончилась закуска, седоватый Втор задал свою задачу: а что будет делать молодой муж, коли жена занеможет и не в силах будет кормить его? Сумеет ли прокормить себя да любимую?

Тут уж пришлось Еремеле постараться, потому как не царское это дело-то – кашеварить. Однако отступать было некуда, позади – гроб хрустальный. И снова повздыхав, Еремеля принялся за дело. К вечеру он сообщил, что ужин готов, и сперва все семеро братьев вызвались судьями быть, однако приблизиться к котлу сумел лишь Воскр. Спустя три дня Воскр так и не окочурился, и испытание готовкой было признано пройденным.

И долго бы ещё продолжалась эта канитель, если бы запасы медовухи у гномов совсем не исчерпались, потому что идей у братьев-богатырей было хоть отбавляй. Да и царевич уже стал сдавать и чахнуть. Глядишь, и выдавать-то скоро Снежнобелку не за кого будет.

Покумекали гномы, да и порешили, что парень Еремеля неплохой, девку в обиду не даст, и вполне достоин стать ей мужем. Еремеля расчувствовался, расцеловал всех братьев, а с Воскром даже побратался.

К торжественному моменту пробуждения Снежнобелки все гномы разделись, кому как совесть позволила, да и заявили вослед царевичу Еремеле в пещеру. Все вместе они бережно сняли хрустальную крышку, в последний раз благословили царевича и спрятались за дальним камнем, чтобы не портить интимность события.

Когда Еремеля склонился над невестой, Воскр стал тихо выбивать дробь тоненькими палочками. Наконец царевич коснулся горячими губами холодных, но предварительно подсахаренных уст царевны, и та сразу стала преобразаться. Кожа её порозовела, веки вздрогнули и... так и остались в полуоткрытом состоянии.

Из-за камня раздалось злое шипение, оттуда быстренько выскочил хозяйственный Пятень и снова щёлкнул чем-то невидимым за гробом, после чего сразу спрятался. Царевна Снежнобелка раскрыла прекрасные очи, взглянула на онемевшего Еремелю и томным голосом произнесла: – Ты мой герой... Бери же меня и веди в палаты белокаменные!

Еремеля не заставил долго ждать, подхватил молодую жену на руки и галопом вынес её на свет солнца, где уже ждал приготовленный конь.

Воскр еле успел их догнать с криком: «Вещи-то её, вещи возьми!» Всунул в суму запасной набор тифлек и белый пакет, на котором крупными буквами значилось непонятно: «ИНСТРУКЦИЯ». Затем шлёпнул коня по крупу и крикнул вдогонку:

– Прощевай к лешему!

Из пещеры появились и остальные гномы. Пятень в руках мял ещё один кусочек бересты:

– Эх вон скоро-то... даже гарантийку забыл...

– Ничего, – утешил его Понед, – понадобится – прискачет.

– Главное – ещё от одного избавились, – тихо проговорил Втор.

– А в песнях теперь и про нас петь будут, – непонятно к чему закончил Воскр.

В гнумьей горнице (надобно сказать, совсем не в той, где Еремелю привечали) было светло и чисто. У дымящейся печки готовила еду Второва жена Пепелюшка, у окна вышивала Понедова принцесса Фасолька, Пятенева царевна Жабюшка тихо баюкала сынка в колыбели, остальных жён видно не было.

– Снежнобелка, – позвал Воскр.

На его голос появилась красавица, как две капли воды похожая на только что увезенную Еремелей. Воскр обнял её за талию (выше не доставал) и радостно проворковал ей в пуп:

– Вот и ещё одного, что по твою душу приезжал, спровадили...

Тут в оконцо постучали, и Понед, нахмурившись, вышел.

Вернувшись, он был ещё более недоволен.

– Беда не ходит одна, – молвил он. – Ветер передал, что ещё одного нелёгкая несёт. Дня через четыре у нас будет.

– Что, опять Снежнобелка ему нужна? – испугался Воскр.

– Нет, этому Середова Сонная красавица приглянулась.

Пятень задумчиво поскрёб подбородок.

– Ну, ежели никто мешать не будет, денька через три сделаю. Деталек я заранее наготовил про запас. Вот только говорить не сможет, с говорилками напряжёнка, а самому делать – на

это недели полторы бы понадобилось, а за четыре дня – нет, не успеть... Понед хлопнул брата по плечу:

– Ну, от этого отмажемся. Спишем на последствия долгого сна.

Повернувшись к Середу, с усталостью в голосе произнёс:

– Ну, веди жену. Будем очередному соискателю красавицу-невесту по образу лепить...

А затем повернулся к Воскру:

– А ты, будь добр, придумай ещё пару-тройку испытаний, да потруднее. Авось Пячень всё же успеет за это время говорилку сварганить...

06.10.2002

Исповедь

Да простится мне это, но признаюсь честно, я сюда идти не хотела. Это всё отец мой настаивал. И сейчас, небось, под дверью стоит, караулит, чтобы я не сбежала.

Он мне уж сколько времени толкует, что грешница я, и покаяться мне просто необходимо. Зачем? Всё равно я не верю во всё это. Но если уж ему станет от этого легче, то и от меня не убудет.

Что вы говорите? А, просто уселись поудобнее. Это правильно. Раз уж он меня вытащил сюда, то я расскажу всё как на духу. С самого детства до сегодняшнего времени. Пожалуй, времени на это уйдёт достаточно.

Ну, начнём по порядку. Зовут меня Люси. Отец с матерью говорили, что это в честь какой-то нашей далёкой прародительницы. Или прародителя. Не помню уж точно. Ну да не важно.

Отец мой из простых. Работает в котельной. Мать всю жизнь секретаршей в канцелярии проработала. Ясно, что достаток в семье небольшой был. Но с самого раннего моего возраста родители пытались наставить меня на путь истинный, хотели, чтобы я добилась в жизни большего, чем смогли они сами. Поэтому и не жалели ничего для меня. Но и баловать тоже особо не приходилось – их совместного заработка едва на жизнь хватало.

Хотя отец очень хотел отдать меня на воспитание в детский сад, мама сразу воспротивилась этому, а после того, как к нам приехала моя бабушка, папа окончательно сдался. Поэтому я прошла отличное начальное домашнее воспитание под руководством аса своего дела – моей любимой бабули Эмми. И уж я-то точно не жалею об этом. В свои пять лет я была значительно более развита по сравнению со своими сверстницами. Да что говорить, я стала заводилой всего и вся в нашем дворе. Даже мальчишки считались с моим мнением. Слышала, как втихаря они меня называли прирождённой чертовкой. Папа тогда нарадоваться на меня не мог, говорил, что вся в него пошла.

Что? Нормальное детство? Ну, так а я о чём. Но ведь только начала... Кстати, а что такое «нормальное»? Такое, как у всех? Тогда у меня было отнюдь не нормальное. Я же говорю, что отличалась от всех ребят в нашем дворе. Все ночи напролёт я там проводила. А однажды даже подговорила нескольких мальчишек днём сходить на заброшенную котельную. Ух и навизжались мы тогда. Особенно я. Да нет, я не со страху, я их пугала. Да и не только визжала. Стонала, ухала, вздыхала – всячески пыталась их напугать. Они-то в первый раз туда пришли, а я уже и раньше ночью облазила там всё одна. К этому походу все закоулки знала, да и сама кое-что подготовила к такому культ-массовому мероприятию. Жаль, девчонки тогда отказались идти. Слабаки.

Но это было уже тогда, когда я в школе училась. Так что вернёмся немного назад.

В общем, стараниями моей бабушки к моменту поступления в школу я уже считала себя вполне взрослой, готовой к будущим жизненным испытаниям и радостям. Я знала такие вещи, о которых другие подростки тайком шушукались в подворотнях, передавая это как самую сокровенную тайну – «а ты знаешь... да ты что, это всё девчоночьи сказки, вот я слышал...» Ну и так далее в том же духе.

На тестах при поступлении в школу я показала один из лучших результатов, но мои резкие высказывания в адрес экзаменаторов привели к тому, что я попала не в самый «престижный» класс, а класс так называемых хулиганистых подростков. Или трудновоспитуемых. Но мне там даже больше нравилось. Не люблю заучек.

Не скажу, что мне нравилось учиться. Скорее мне было всё это индифферентно. Просто у меня получалось учиться хорошо. И всё. Даже похвальные грамоты несколько раз получила.

Правда, моя хорошая учеба несколько терялась за моим не столь хорошим поведением. Например, мне страшно нравилось на уроках дёргать за хвостики впередисидящих. Девчонки постоянно визжали, а среди ребят я снискала славу придурковатой отличницы. Они придерживались мнения, что у меня крыша поехала, причём так, что мои достижения в учёбе прекрасно компенсировались моим умственным «развитием» в других областях. По их мнению, конечно.

Но с приходом времени, когда мальчики уже начинают понимать, что мы, существа другого пола, являемся не просто надоедливо копошащимися соседями, мои одноклассники резко поменяли своё мнение обо мне. Или научились его хорошо скрывать. А всё дело в чём? В том, что я оказалась не обделена многими чисто женскими физическими достоинствами. Причём в их глазах мне удалось затмить всех остальных своих сверстниц.

Но мой темперамент дикой амазонки не давал ни одному из них ни единого шанса. Это подзадоривало их ещё больше, а я лишь наслаждалась всем этим. Ушки торчком, нос пяточком, хвостик колечком. По пятам ходили, как собачки.

Ой, у вас что-то упало? А что же это за лязг тогда был? Не слышали? Наверное, почудилось.

Ну так вот. Ещё до школы мне нравилось рисовать, а в школе я продолжила это дело. Даже картину мою выставляли на выставке в доме небезызвестной нашей молодёжной организации. Что? Почему я её так называю? Ну, не нравится она мне... Да нет, состояла я в ней, состояла. Столько лет ей отдала, у-у... Даже в совете школы состояла. А толку? С тех времён только лозунги и помню. «Молодежь! Ты должна быть достойна получить огонь в свои руки!» Нашлись Прометеи... Или ещё – «Вилы – символ трудового народа!» Убивать нужно тех авто-ров, что это придумывают...

Школа была закончена с медалью, которую я не заслужила. Ну не училась я – просто так получилось. И тут встала проблема – куда податься? Не очень долго думая, я решила продолжить «учиться». Поступила в университет (опять же, почти нахалёву). Вначале ещё пыталась хотя бы показывать видимость учёбы, а потом плюнула на это. Тем более, что в этом возрасте уже хотелось иметь какие-то развлечения, а оные, как известно, стоят денег. А родители у меня далеко не богатые. Пришлось совместно с учёбой подрабатывать. Кем я только не работала – некоторое время в котельной (кстати, прекрасное место для размышлений о смысле жизни), потом курьером, затем занималась подушной переписью населения. И множество других мелких профессий испробовала.

Спрашиваете, чего к вам-то пришла? Я же сказала: отец прислал исповедаться. Незачем? Так я и не всё ещё рассказала. Какой-то вы нетерпеливый, ей-ей. Ну, ничего, я уже приблизилась к сути.

Когда я уже заканчивала третий курс, я впервые увидела его на нашей дискотеке. Он стоял в сторонке, такой милый и в то же время почему-то такой одинокий. До сих пор не пойму, почему такого красавчика оставили без присмотра. Я подбежала к нему и спросила, не хочет ли он потанцевать. Он как-то сразу засмутился, зарделся, а потом тихо так сказал, что не умеет танцевать. Я пообещала научить и вытянула его на площадку. Во время танца узнала, что его зовут Иммануилом и он учится у нас же, специализируется на человеческой психологии.

С этих пор со мной стало твориться что-то совершенно для меня непонятное. Я не могла и ночи прожить, чтобы не увидеть его лица, не услышать его голоса. Он перестал стесняться меня, и тогда я узнала так много! Он читал мне стихи, рассказывал о великих людях и их судьбах. А я могла выцарапать глаза любой девушке, которая бы только попыталась флиртовать с ним.

Тут-то и начался раскол в моей семье. Ещё с детства отец постоянно повторял мне, что все люди – порядочные сволочи и Геенна Огненная – самое подходящее для них место. Мой дед, который тронулся, получив контузию при взрыве в цеху, постоянно твердил, что люди умеют только издеваться над ближними, и с тоской в глазах повторял одну и ту же фразу:

«Вернуться бы мне туда, я бы этому Балде показал». Так что в этой атмосфере я выросла настоящей человеконенавистницей.

А Иммануил заставил меня посмотреть на людей с другой стороны. Ведь это же прекрасные создания! И не их вина, что они варятся в адских котлах. Это всё тот старик придумал, чтобы им жизнь малиной не казалась. В общем, нам пришлось бросить учёбу, и сейчас я хочу уехать с Иммануилом куда-нибудь подальше и посвятить свою жизнь изучению этих странных созданий – людей. Я полюбила их всем сердцем! Я хочу...

В этот момент страшный крик огласил пещеру: «Вон!!! Вон из святого места!»

В свете звёзд Люси молча брела по дорожке. Бурная жизнь окружала её со всех сторон, но она не замечала бегущих, куда-то вечно спешащих, толкающихся и кричащих. Она шла к своему любимому.

Ничего, что они не понимают тебя. Главное – я верю тебе, я верю в тебя. А ещё я просто люблю тебя. Люблю смотреть, как твоя чёрная шерстка блестит в свете луны. Люблю твои маленькие рожки. А ещё мне нравится, когда твой хвостик с такой милой острой стрелочкой на конце скручивается, когда я внезапно вхожу в комнату. Я всегда буду с тобой, что бы ни говорили все эти святоши. Ведь люди так похожи на нас...

06.01.1999

К Богине

Как только прозвучал звонок, в классе наступила тишина. Обычный урок литературы в обычной школе.

– Темой нашего сегодняшнего урока будет творчество Хьюго Бранта. К сожалению, до нас дошли лишь несколько стихотворений этого поэта, но уже они показывают, насколько велик был талант этого человека. – Мария Васильевна обвела взглядом учеников. Как всегда, на последних партах было слышно какое-то шуршание и сопение. Ничего, они же всё-таки дети. Но уметь заинтересовать было главным в её профессии.

– Итак, – продолжила она после небольшой паузы, – сегодня мы рассмотрим всего одно стихотворение – «К Богине». В нём Хьюго Брант описывает женщину. И это не просто женщина, это Женщина с большой буквы...

С последней парты третьего ряда раздался сдавленный смех. Опять этот Петров, подумала Мария Васильевна. Вечно он что-нибудь находит в её словах. Нахмутив на мгновение брови, она продолжила:

– Да, именно Женщину с большой буквы, хотя автор и описывает всего лишь простую женщину своего времени. По разным признакам мы даже можем судить о её профессии – она танцовщица. Это следует, например, из следующей строки: «Твой танец завораживает взор...» Но... Давайте сделаем так: пусть каждый сейчас сам прочтёт это стихотворение, а затем мы поговорим, какие образы, какие мысли автор хотел донести до нас этим прекрасным творением...

... Громко хлопнула входная дверь, и компания уже изрядно подвыпивших верзил с громкими криками и руганью заняла свободный стол у окна.

– Хозяйка, пива! – Огромный детина с чёрными нечёсаными волосами и в вонючей куртке так ударил по столу, что затряслись соседние.

Взгляды всех посетителей харчевни на миг обратились к нему, но почти сразу же каждый вернулся к своим делам – сплетням, грязным анекдотам, перемалыванию косточек соседям и, конечно же, к пиву.

Только один человек в харчевне, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Сидя прямо у стойки, он молча потягивал из своей кружки, наблюдая туманным взором за полётом мухи над тарелкой с куском позавчерашнего пирога.

Он бы сидел так ещё долго, если бы не Мари, хозяйка этого заведения, которая выросла прямо перед ним, закрыв своим далеко не малым телом от него эту идиллическую сцену:

– Хьюго, кстати, а как там дела с поэмой в мою честь? А?

Хьюго Брант с трудом смог сфокусировать свой взгляд на ней. Мари была настолько толстой, что за её спиной давно уже шутили, что «если бы наша Мари только захотела, то могла бы своим весом раздавить весь замок графа». Однако личико её было довольно милым.

Тем временем Мари настойчиво повторила свой вопрос:

– Так что же, Хьюго? Или ты нагло обманул бедную невинную девушку?

После этих слов по харчевне раскатился оглушительный хохот сорока глоток. Мари явно была довольна такой реакцией.

Огромный верзила с чёрными лохматыми волосами встал и тоже спросил:

– Да, Брант, мы все слышали, как ты на днях обещался написать поэму про нашу крошку Мари. Люди ждут. – И разразился ужасным хохотом. Остальные посетители не заставили себя ждать, а Мари, всплеснув руками, проговорила:

– Ах, Вильгельм, ты так мил, – что вызвало новую волну смеха.

Хьюго наконец смог прояснить свой взгляд, посмотрел сначала на Вильгельма, затем снова повернулся к Мари:

– Что ж, Мари, я практически закончил. Хотелось бы добавить ещё несколько строк, а затем я смогу прочесть это божественное творение во всеуслышание. Позволь, и я сделаю это прямо сейчас.

– Ну, я могу и подождать. А пока ты будешь дописывать, мы с Вильгельмом сможем поплясать. – Она кокетливо повела своими огромными бедрами. – Надеюсь, музыка не будет мешать твоему творчеству? – Последнее слово Мари произнесла, намеренно выделив его, после чего сразу же отвернулась от Хьюго и двинулась к Вильгельму. Завсегдатаи харчевни уже расчистили место в центре, и там возвышался Вильгельм.

Да... Танцы в харчевне – это что-то, подумал Хьюго. Слова о том, что поэма уже почти завершена, были наглой ложью. Он даже не помнил, когда смог наобещать такого Мари. Но сказанного не воротишь. Придётся черкануть что-нибудь. Он подсел к освободившемуся столу, положил на него руки и уперся в них подбородком. Минут десять он наблюдал за танцующими людьми, впитывая в себя весь этот шум и гам. Затем открыл свою сумку, достал оттуда несколько листов бумаги, явно побывавших во многих передрыгах, порылся на самом дне и извлек перо с чернильницей.

Вы хотите стихов? Что же, будут вам стихи. Какая-то искорка блеснула в глазах Бранта. Казалось, что весь хмель разом вышел из него. Он склонился над бумагой и стал выводить аккуратным почерком слова.

Спустя некоторое время он оторвал взгляд от бумаги, взглянул на Мари, лихо выплясывающую с Вильгельмом, затем опять посмотрел на неутомонную муху и написал последнюю строчку: «Твой танец завораживает взор».

Шёл дождь. В полной темноте Хьюго брёл по дороге, которая сейчас больше напоминала болото. Яркие молнии то и дело озаряли небо. Мыслями Брант всё ещё был в харчевне.

От его «поэмы» все остались в восторге. Особенно Мари. Даже попросила, чтобы он подарил ей это «чудное творение». Ему было не жалко.

«Дурачьё! Вы так ничего и не поняли! Да что вы могли понять? Куда уж вашим слабеньким умишкам понять то, что они понять не в состоянии. Ни до одного из вас так и не дошло, что скрывалось за всеми этими строками... Я высмеял их, а они восторженно хлопали меня по плечу и кричали от умиления. Дурачьё...»

Хьюго зацепился ботинком за какой-то хлам на дороге, не замеченный им в темноте, и всем своим весом рухнул в грязь. Поднявшись, он отыскал свою сумку и двинулся дальше.

«Ну ничего, ничего... Сейчас только дойду до своей лачуги...»

Хьюго подумал о стопке листов, тщательно спрятанных в специальном отделении его стола.

«Вот это настоящее творение. Вот это я смогу с гордостью прочесть людям. Пусть не этим, пусть другим, тем, которые поймут. Да, главное – чтобы люди поняли его, поняли его стремления, его переживания... Я отдал этому почти десять лет. Десять лет! Но сегодня я закончил свой роман. Да, закончил! И пусть они считают меня никудышным пьяницей, пусть...»

Вдруг, обогнув очередной поворот, Хьюго заметил в отдалении на холме красное зарево. Со всей возможной скоростью он бросился туда.

Когда он подбежал к тому, что ещё недавно было его домом, там уже почти ничего не осталось. Огонь ещё горел, но по большей части это были уже лишь угли. Не осталось практически ничего. Рядом с домом догорали остатки огромного дуба. Похоже, что молния попала в него, а уж от дерева, крона которого раньше закрывала от солнца часть крыши, запылал и сам дом.

Хьюго упал на колени, изо рта его раздался стон вперемешку с хрипом. Слезы не были заметны на лице, по которому яростный ветер бил струями дождя.

– Нет, – только и смог произнести Хьюго... – Нет!

...Раздался звонок, и дети сразу заёрзали, загомонили.

– Тихо, ребята.

Мария Васильевна была довольна сегодняшним уроком, он прошёл просто блестяще.

– Итак, сегодня мы познакомились с творчеством поэта Хьюго Бранта. На следующем уроке я расскажу вам, как великий Уильям Шекспир писал свою известную пьесу «Гамлет».

28.11.1998, 19.12.1998

Халява

Стояла морозная январская ночь, когда из окон дома по улице Корлюяровской раздались дикие крики:

– Халява! Приходи! Приходи ко мне, халява!

Такие крики продолжали оглашать окрестности ещё минуты три. Наконец Витька Добрушев закрыл форточку и подытожил: «Ну что ж, с подготовкой покончено». После чего выключил свет и с чувством выполненного долга отправился смотреть новый боевик, принесенный другом Генкой.

Часа через два он вернулся в свою комнату, удивился, обнаружив открытую форточку, снова закрыл её и включил настольную лампу. На краю стола, поодаль от обёрток жевательной резинки, расчерченных под «Морской бой» листов, карикатур на преподавателей и прочих полезных в студенческой жизни мелочей одиноко лежала зачётка. Неясное чувство любопытства заставило Витьку открыть сей документ и подробно рассмотреть каждую страницу, вплоть до фотографии с печатью. Почерпнув, видимо, много новой и полезной информации, Витька снова кинул зачётку на стол и повернулся к своей кровати.

Только по невероятной случайности его челюсть не сумела достичь пола в этот момент – поворачиваясь, Витька почёсывал рукой подбородок, и рука явилась преградой на пути челюсти в неизведанные низины.

На Витькиной кровати сидело существо. Именно так Витька охарактеризовал его для себя в первый момент. Существо было похоже на огромный тюк ваты с торчащими из него тоненькими ручками и ножками. Только вата была какая-то розовая, будто вымазанная вареньем. Прямо на этом тюке находились две чёрные бусинки глаз, а рот был будто небрежно нарисован куском угля.

Вернув распоясавшуюся челюсть на место, не потерявший самообладания Витька спросил:

– Ты кто?

– Как это кто? – ответило существо довольно высоким голосом. – Ты же сам не так давно орал что есть мочи: «Халява! Приходи!» Ну вот, я пришла.

– Ты что, всамделишная Халява? – Витька не верил своим глазам, лихорадочно вспоминая, не было ли вчера какого-нибудь очередного студенческого праздника, где бы он мог выпить до белых коней... вернее, до розовой Халявы.

– Естественно, всамделишная. Самая что ни на есть всамделишная. Ты что, никогда Халявы не видел? Тогда чего звал?

– Ну... я думал... поверье это такое студенческое...

– Поверье... Сам ты поверье. – Халява прыгнула с кровати и подошла к Витьке вплотную. – Запомни, студент, никакое поверье просто так не может появиться. Ему почва нужна. – Для пушей доходчивости Халява постучала кулаком по Витькиному лбу.

– Ладно, – решила Халява, – пора и делом заняться. Ты, например, как зовёшься?

– Витька... Виктор Добрушев.

– Ага, Витёк, значить. – Халява уселась прямо на стол, предварительно сметя большую часть бумажного хлама на пол. – Отлично, Витёк. Учишься, значить, ты хорошо, – при этом она раскрыла зачётку на странице, где красовались три каллиграфически выведенные «уд.» – Что ж, помощь моя потребовалась?

– Ага...

– Ясно, что «ага». Чего сдавать собираешься?

– Матан. В смысле, математический анализ.

– У-у... Сильная вещь. Два вопроса и задача?

– Ага.

– А кто преподавателем у тебя будет?

– Макаров Борис Петрович.

Халява на секунду задумалась.

– Это такой лысый в очках? Нет?

Витька отрицательно покачал головой:

– Не... Он молодой.

– А, знаю. Это который сам недавно закончил? Точно, он! Ну, этот любит позверствовать.

Ладно, двигаем научный процесс дальше: учил?

Витька опять отрицательно замотал головой:

– Ну, если только немного. Вот, конспект посмотрел.

Халява проследила за Витькиным взглядом и обнаружила небольшую полуобшную тетрадку, валявшуюся возле кровати. Халява пристально посмотрела на неё, и тетрадка сама всплыла в её тонкую ручку, раскрывшись на первой странице. По верху белого листа размашистым Витькиным почерком было выведено: «Мат. ан. Консп. студ. 1 гр. 2 к. Добрушева В.» В нижней части маленькими буквами, явно девичьей рукой, было приписано: «Макаров Борис Петрович». Халява перевернула страницу и обнаружила достаточно профессионально выполненный портрет какой-то девушки, скорее всего, той самой студентки, что выводила текст на первой странице. Далее был нарисован, по-видимому, сам Борис Петрович с огромным знаком интеграла в руке. Остальные листы тетради были девственно чисты.

Халява многозначительно взглянула на Витьку и спросила:

– Ну и как, что-нибудь запомнил?

– Да, – честно ответил Витька. – Имя, фамилию и отчество преподавателя.

– Да... Это в нашем деле главное. А ты ещё, к тому же, и название предмета знаешь.

Уперев руки в бока, Халява спросила:

– Ну и какую оценку ты, касатик, хочешь?

– Ну... – Витька явно ещё и сам не знал, какую оценку хочет касатик. – Ну, пять – никто не поверит, три – уже надоело, вот четыре – в самый раз, – решил он.

Халява молча наклонила голову и посмотрела на Добрушева снизу вверх. Витька сразу решил добавить:

– Можно с минусом.

Ещё немного помолчав, Халява наконец произнесла:

– Ладно, четыре так четыре. На экзамен я завтра с тобой зайду. Пиши и говори только то, что я тебе показывать буду...

– Так, а как же...

– Не бойсь, меня никто, кроме тебя, видеть не будет. Чай не первый раз экзамены сдавать помогаю. Много вас таких... образованных. А теперь – спать. Здоровый сон перед экзаменом – залог успеха.

Назавтра Витька решил не высовываться, а потому пошёл отвечать последним. Как Халява и говорила, всё прошло отлично. Сначала она помогла решить задачу, а затем подсказывала ему ответы на все вопросы Бориса Петровича, при этом не забывая делать положенное количество ошибок. То есть Витькин ответ полностью подпадал под критерий «знает на хорошо».

Генка, ждавший друга в коридоре, с пессимизмом в голосе спросил Витьку, когда тот показался из-за двери:

– Ну что, пересдача?

– Четыре балла, – гордо ответил Витька.

– Ну, ты, блин, даёшь... – только и смог произнести Генка, с восхищением глядя на неожиданно поумневшего друга.

Забежав в туалет и проверив, что там никого нет, Витька перевёл дыхание и произнёс: – Ну, Халява, спасибо. Век не забуду.

Розовое облачко с ручками и ножками сидело на подоконнике и беспечно болтало ногами.

– Да ладно, чего уж там. Такова наша работа – учиться помогать, – произнесла ещё более зардевшаяся от удовольствия Халява. – Только помни одно: пользоваться услугами Халявы можно только три раза. Больше трёх – нельзя.

– Ясно, – ответил слегка огорчённый Витька, который уже строил планы на годы вперёд. – Ну да ладно, – махнул он рукой.

– Ну, тады я пошла. У меня дел ещё хватает. Пакедова.

А в это время в аудитории собирал вещи после экзамена молодой преподаватель Борис Петрович.

– Ну, Халява, спасибо, – сказал он, глядя на сидящую перед ним Халяву. В отличие от Витькиной, эта имела сероватую окраску.

– Да ладно, Боря. Что мне, впервой? Помогать принимать экзамены – наша святая обязанность.

– Прямо и не знаю, как бы я без тебя...

– Ничего-ничего, скоро узнаешь, – весело ответила спасительница, – ведь отпущенные тебе десять преподавательских вызовов Халявы уже подходят к концу. Сегодня – девятый.

– Нда... – многозначительно ответил Борис Петрович. – Быстро, однако.

– А ты думал! – Припомнив былое, Халява мечтательно произнесла: – Вот посмотреть бы на тебя, когда б ты сам кандидатскую писал, – и хитро подмигнула.

Борис Петрович пропустил эти слова мимо ушей:

– Ну что, пошли. – Он поднялся. – До скорого свидания, Халява. Свидимся как-нибудь.

– Свидимся-свидимся. Я в этом не сомневаюсь. Ну всё, пока.

В коридоре Борис Петрович столкнулся нос к носу с Витькой.

– Вы, Добрушев, порадовали меня сегодня, порадовали. За ум взялись, я погляжу. Молодец, учитеесь так и дальше.

– Уж постараюсь, Борис Петрович, – ответил Витька, повернулся и побежал догонять Ленку из второй группы.

А в коридор, невидимые никому, одна за одной выходили Халявы различных окрасок и вместе двигались дальше – сессия только началась.

28.11.1998

Жертвы греха

Мне часто снится один и тот же сон. Сон, который заставляет меня вскакивать в холодном поту...

Весь в грязи, пропахший потом и гарью, я врываюсь в небольшой домик. Обычный, ничем не примечательный домик. Да кроме двери я ничего и не вижу, я только знаю: там – Враг. Там тот, из-за кого мы живём в Аду вечной войны. И поэтому я врываюсь в этот дом. Порезы на руках кровоточат, форма ошмётками висит на теле, а в руках у меня нож, огромный армейский нож.

Я влетаю в комнату и на миг застываю. Дубовый стол, за которым могли бы поместиться человек двадцать, в центре тускло светит керосиновая лампа. Она могла бы давать и больше света, но то ли из экономии, то ли по другой причине пламя уменьшено до маленького язычка, который борется за право существовать каждую секунду. А за столом, спиной ко мне, сидит человек. Похоже, что взгляд его ловит каждое движение огонька, а разум витает где-то далеко-далеко... Он не слышит грохота, с которым я появился у него за спиной. Не слышит или не желает слышать?

И тут я вновь ощущаю: это – твой Враг. Враг, которого ты обязан уничтожить. И с криком ярости, с пеной берсерка на губах я ударяю ножом ему в спину. Но ярость не лучший помощник – лезвие, скользя по лопатке, находит щель возле ключицы, пронзает слабую плоть и уходит по самую рукоятку.

Уже понимая, что рана не смертельна, я резко выдергиваю нож. Он, Враг, медленно, как в вязком тумане, начинает поворачиваться ко мне. Ага, я достал тебя! Теперь ты понял, что я уже здесь!

Я дёргаю его за раненое плечо, быстрее разворачивая к себе, и вновь втыкаю нож. Я должен попасть ему в сердце, должен! Но, видимо, весь мир против меня... Лезвие вновь съезжает по рёбрам и уходит ниже, протыкая лёгкое.

Кровь льётся из раны в плечо, его руки даже не пытаются подняться и хотя бы оттолкнуть меня, только пальцы сжались в судороге, в мгновение став похожими в этом сумеречном свете на когти.

С криком бешенства я вырываю нож из его плоти, запёкшаяся кровь на моих руках покрывается свежей. Новая порция яда... Я заносу руку для последнего удара и тут...

Солнце жарило немилосердно.

Гэл услышал скрип калитки и повернулся навстречу гостю, отложив очередное полено. Топор он воткнул в бревно возле сарая, снял с двери рубаху и вытер ею пот со лба.

Кузнец Холхо приближался к нему, пробираясь по узким тропинкам между бесчисленных грядок. Старый приятель Холхо, которого обожала вся детвора, девушки просто висли на нём, а он даже не замечал этого, и потому в свои почти сорок лет так и оставался холостяком. Он был здоров как бык, запросто гнул руками подковы на потеху мальчикам, но никогда и мухи не обидел. Казалось, что на его лице всегда играет улыбка, а радость и умиротворённость так и разбегаются от него тёплыми волнами во все стороны.

Но именно сейчас Холхо почему-то был темнее тучи. Ещё издали он помахал рукой Гэлу. Пёс Дрок тоже учуял гостя и выскочил навстречу, молотя себя хвостом по бокам и аж подпрыгивая от нетерпения вылизать ему лицо. Холхо стойко выдержал вылизывание рук, пощекотал Дроку шею, и только тогда собака соблаговолила отпустить его.

Подойдя наконец к Гэлу, Холхо протянул ему руку и произнёс зычным басом, хотя и попытался говорить тише:

– Здорово, Гэл.

– Здорово. Давай вовнутрь зайдём, печёт ужасно. – Гэл вошёл в сарай и сел на доски у стены, а Холхо облокотился о косяк двери, оставшись у порога.

Он явно пришёл не просто поприветствовать старого друга, но подталкивать его к разговору не хотелось. Захочет – сам скажет. А не решится – так оно и к лучшему, наверное.

– Выборы скоро... – наконец выдал он из себя.

– Как всегда, – ответил Гэл, не понимая, к чему клонит кузнец.

Холхо тяжело вздохнул, посмотрел на топор, легко достал его из колоды и повертел в руках.

– Тебе ничего выковать не надо? – произнёс он, разглядывая лезвие.

– Да нет, кажется...

– А то заходи... Я тут мимо проходил, дай, думаю, спрошу, не нужно ли чего Гэлу.

Гэл взглянул на него исподлобья. Нет, что-то с ним сегодня не то творится. Взгляд какой-то растерянный. Не за этим он сюда пришёл, не за этим.

– Как твои дела-то вообще? – спросил он, чтобы поддержать разговор.

– Да... более-менее. Помаленьку. Там коня подкую, здесь кочергу сделаю. Солидных заказов нет давно, – какое-то сожаление чувствовалось в его голосе.

– Ну так радоваться должен! На славу, значит, работу делаешь, раз люди так долго не обращаются.

– На славу, – опять со вздохом согласился Холхо.

Вроде бы он и порывался что-то сказать Гэлу, но то ли опасался расстроить, то ли боялся оказаться непонятым, а потому только мялся и молчал. Гэл в свою очередь и не знал даже, что предпринять. За все годы их знакомства, со времён совместных детских проказ и до нынешних дней, он ещё ни разу не видел, чтобы Холхо был так озабочен чем-то. Да ещё эти постоянные вздохи каждую минуту...

– Как думаешь, кого выберут в этот раз? – тихо спросил Холхо.

Наверное, именно с этим и связано его поведение, решил про себя Гэл. Выборы должны состояться уже послезавтра. Но вот почему это так взволновало Холхо?

– Не знаю даже, – ответил он вслух. – Это Совету решать, на то они весь год и наблюдают за нашей работой.

– Знаю, что Совету, но ведь кого-то они выберут. Знать бы, кого...

Странно, что Выборы так взволновали Холхо. Выборы были всегда, это было как явление природы. Только не стихийное, а происходившее в чётко определённый день каждый год. Каждый год Совет выбирал кого-то из общины, это было не просто привычно, это просто *было*. Было и всё. Гэлу даже и в голову никогда не приходило задуматься о том, кто же будет избран в очередной раз.

А вот Холхо это пришло в голову.

– Как думаешь, меня могут выбрать? – почти неслышно спросил он.

– Тебя?! – изумился Гэл.

– Здравствуйте, дядя Холхо, – раздался вдруг девичий голос позади кузнеца. Холхо отодвинулся и первым делом в сарай заскочил Дрок, сразу кинувшийся вылизывать своего хозяина, будто не видел его много лет. Вслед за псом на пороге появилась Эла в своём белом платье. Она остановилась на пороге, и в свете солнца стала видна её точёная фигурка, просвечивающаяся под тонкой материей.

«А девчонка-то выросла, я и не заметил...» – подумал Гэл, сразу позабыв про последние слова Холхо.

– Папа, мама звала всех в дом. Обед стынет. – Она озорно улыбнулась кузнецу и убежала.

– Что ж, обедать так обедать... – охнув для приличия, Гэл поднялся. – Идём, Холхо. А то ты уже отощал на своей холостяцкой диете. Сейчас моя Клэ покажет тебе, что такое настоящая

стряпня. А вообще, – он похлопал Холхо по спине, – жениться тебе, брат, надо. Дети, они все беды снимают...

Как назло, в день Выборов погода испортилась, и с пасмурного неба сыпал мелкий дождик. Гэл по привычке поднялся рано, но по закону работать в этот день запрещалось, поэтому, позавтракав, он сидел у окна и наблюдал, как свинья катается в свежей грязи, подставляя то один бок, то другой тёплым струйкам воды. Курица со своими цыплятами тоже не была сильно расстроена сменой погоды, малыши норовили убежать каждый в свою сторону, а бедная мамаша разрывалась, стараясь собрать их всех вместе от греха подальше.

«Скотине закон не писан... Что праздник, что будние, знай, живут себе да и всё...»

Наконец время пришло, и Гэл стал собираться. Он надел свою самую красивую куртку и новые штаны, что Клэ прикупила ему на ярмарке. Обняв на прощание жену и поцеловав дочурку, он двинулся к зданию Совета. Дрок было увязался за ним, но Гэл погрозил ему пальцем, и пёс, повесив уши, спрятался в своей будке.

Площадь перед Советом уже была заполнена народом – похоже, не он один изнывал дома от безделья. Тем не менее, по узким улочкам всё прибывали и прибывали новые люди. Сегодня здесь соберётся почти весь их городок. День Выборов!

Дождь не прекращался, но людей он не смущал, в такой день можно пережить всякое. Даже долгое отсутствие Советников не сильно возмущало собравшихся. Каждый нашёл общие темы для разговоров, и площадь Совета была скорее похожа на базарную в день ярмарки. Однако спустя полчаса после обычного срока людей всё больше стало одолевать волнение. И как раз в это время двери здания Совета отворились, и на помост перед домом вышли три Советника.

Сегодня они были облачены в торжественные наряды, чёрные балахоны до земли с красной каймой по краям. На головы были накинuty капюшоны, закрывающие лица, и лишь сквозь специальные прорезы в них стоявшие ближе остальных могли попытаться разглядеть холодные и решительные глаза.

Двое Советников стали по бокам помоста, а третий – Главный Советник – вышел вперёд, держа в руках пергаментный свиток – дань традиции.

В тишине, мгновенно обрушившейся на собравшихся, он развернул его. Многие даже смогли расслышать, как хрустнула, разламываясь, сургучная печать.

– Сегодня, в день Выборов, – молодой голос Советника разнёсся над толпой, – мы собрались здесь, чтобы объявить очередных избранников. Их имена записаны в этом свитке, своими деяниями за прошедший год они доказали свою избранность, так пусть же они будут названы! – он обвёл взглядом толпу, и каждый почувствовал в этот миг, как в него впился тяжёлый взор. Выдержав необходимую паузу, Советник крикнул в толпу:

– Семья Гэла-мастерового!

Толпа загудела, крики стали нарастать и перешли в ужасный рёв.

Знакомые и незнакомые руки подхватили Гэла, стоявшего посреди площади, и вынесли прямо на помост. Он, ошарашенный и не верящий в произошедший выбор, стоял на коленях перед Главным Советником. Двое Советников, стоявших до этого по краям, подошли к нему, подхватили под руки и поставили на ноги. Затем ему помогли усесться в празднично наряженную повозку в установленном специально для Избранника кресло.

Возница щёлкнул кнутом, и повозка двинулась в сторону дома Гэла. Беснующаяся толпа с радостными криками расступилась, пропуская её, а затем люди медленно стали уходить с площади, следуя за Избранником.

Через двадцать минут на площади остались только три Советника. Главный проводил взглядом последнего человека, исчезнувшего в узкой улочке, смял в руках свиток, повернулся

и быстрым шагом вошёл в здание Совета. Остальные двое проследовали за ним, и дверь захлопнулась.

Повозка с сидящим в ней Гэлом остановилась на улице перед домом. Гэл и не заметил, как нежные и заботливые руки двух девушек быстро обвязали его веревкой, лишив любой возможности двигаться. Но и желания такого у него не возникало.

Он спокойно смотрел, когда подоспевшая толпа ринулась во двор, сметая забор. Спокойно взирал на то, как успевшие раньше остальных принялись крушить всё, что попадалось под руку.

Дрок, не понимая, что происходит вокруг, сначала выскочил из будки, радостно виляя хвостом, а затем быстро юркнул обратно, почуяв беду. Наружу торчал только его нос, собака жалобно скулила и подвывала, пока пробежавший мимо малец лет десяти не запустил в неё булыжником. Дрок взвизгнул, но не выскочил наружу, и тогда трое парней постарше приволокли тяжелую колоду и вместе сбросили её на будку сверху. В отчаянии собака попыталась выскользнуть, но, получив удар по морде, осталась внутри, когда колода раскрошила будку в щепки, раздавив череп добродушной дворняге.

Мальчик и девочка, совсем ещё дети, носились по двору, хватая цыплят и сворачивая им шеи, бабы втроём волокли за ноги упирающуюся и визжащую на всю улицу свинью.

Гэл спокойно смотрел, когда на шум из дома выскочила Клэ, и Грик, сын её детской подруги, наотмашь полоснул её косой, разрубая тело пополам. Его мать, оказавшаяся рядом, накинулась на Грика с криком, врезала звонкий подзатыльник и кинулась помогать резать свинью.

С треском падали подрубленные деревья в саду, со звоном вылетали выбиваемые стёкла... Люди рвали и ломали всё то, что можно было превратить в ничто, в однообразную мешанину.

Ни одна мышца не дрогнула на лице Избранника, когда трое парней и девчонка, лучшая подруга Элы, вытащили его упирающуюся дочку на крыльцо. Она кричала, когда подруга с двумя парнями заставили её упасть и стали держать за руки и ноги. Кричала, когда самый высокий и здоровый из них, мечта любой девушки, стал расстегивать брюки, пытаясь что-то сказать ей среди бушующего смерча из людей. Кричала, когда его плоть вошла в неё. Кричала, не понимая своей Избранности...

Гэл даже не отвернулся, когда молодёжь, вдоволь натешившись с дочерью, методично перерезала её хрупкую шею кухонным ножом.

Смерть и разрушение были повсюду.

Как по команде, все отступили. Несколько мужиков с канистрами быстро облили стены дома бензином и подпалили его. Пламя мгновенно охватило весь дом. Тогда пришёл черёд сарая. Он удостоился той же участи, что и дом, только в нём предварительно широко распахнули ворота. И когда огонь заплясал на крыше, несколько особенно рьяных добровольцев подтолкнули повозку с Гэлом, и она прямёхонько въехала в пылающий ад.

Никто не видел улыбки, которая озарила в этот момент лицо Избранника...

Люди быстро разбрелись по домам. Возле пепелища стоять было уже не интересно.

Один только Холхо стоял у останков ограды и молча взирал на то, что ещё утром было цветущим садом и гостеприимным домом с добрыми хозяевами. Он оттолкнул ногой сломанную калитку и вошёл вовнутрь. Возле дымящегося остова дома опустился на колени, будто пытаясь разглядеть, найти что-то, спрятанное среди золы и пепла... Слеза скатилась из глаза и с шипением исчезла на горячей головешке.

– Что-то ищете, дядя Холхо? – неожиданно раздался сзади звонкий молодой голос.

От неожиданности кузнец резко повернулся. Нет, это был всего лишь соседский мальчишка.

Холхо забыл о слезе, а вот парень заметил мокрые дорожки под глазами.

– О чём вы плачете, дядя Холхо? – участливо спросил он.

Холхо рукавом вытер остатки слёз и, проглотив комок в горле, ответил:

– Я был уверен, что выберут меня... Я ведь почти ничего полезного в последнее время и не сделал...

– Ну, дядя Холхо, не стоит так расстраиваться... Это ведь не последние Выборы, да и вы ещё не старый. Вы ещё тоже сможете ответить за грехи города... – мальчишка с воодушевлением посмотрел ему прямо в глаза.

Холхо отвел взгляд, молча кивнул в ответ и побрёл вверх по улице...

*...И тут я поднимаю лицо... Мои глаза встречаются с глазами моего Врага. Глазами, в которых застыли боль и страдание. Глазами, в которых нет мести, а лишь непонимание и... сострадание. Глазами, так похожими на мои собственные. **Глазами моего брата.***

*Его тело начинает опадать, и мне приходится подхватить его левой рукой. Из рта льётся кровь, глаза заволакивает туманом. Он мог бы выжить, если бы ему оказали помощь. Мог бы. Но тут нет никого, кто бы это сделал, кроме меня. А я... я уже ступил на этот путь, назад дороги нет. Да и я отчётливо осознаю: как бы ни старался я помочь ему, даже имея при себе лучшие препараты, это не поможет. **Моя** помощь ему не поможет. Он умрёт, умрёт в любом случае. Умрёт, истекая кровью.*

И тогда я делаю единственное, на что ещё способен. Со всей силой я опускаю нож! Пальцы ощущают, как сердце последний раз сжалось вокруг появившейся внутри преграды и... отпустило. Его затуманенные глаза расширились, рука схватила меня, и тогда я выдернул лезвие...

Невесть откуда появившийся ветерок всё-таки погасил борющийся из последних сил огонёк в лампе...

18.07.1999

Работа над ошибками

В сентябре 2001 года моя знакомая, в то время ещё никому не известная Ольга Громько предложила мне поучаствовать в проходившем в интернете конкурсе "48 часов" (позднее ставший называться «Рваной Грелкой»). Суть конкурса состояла в следующем: координатор в назначенное время объявляет тему конкурса, после чего все желающие в течение 48 часов (реально было немного больше) пишут свои творения. Затем начинается голосование: каждый участник читает все работы конкурентов и выделяет среди них первые шесть мест. Баллы суммируются, объявляется победитель. Всё чётко, всё просто.

Прочтя в означенное время тему конкурса, я задумался, поговорил с женой. В ходе разговора из старой идеи, которая долго не находила своего применения, родился новый сюжет. Не скажу, что он был заготовкой, нет. Старая идея дала лишь толчок. Дальше всё было придумано на лету. Рассказ был послан на конкурс под двойным авторством. Впервые я написал рассказ в соавторстве вообще и в соавторстве с женой в частности. Кстати, ей пришлось взять мой псевдоним ;-) Удивительно, но рассказ сумел попасть на почётное четвёртое место.

Конкурс прошёл, но ещё долго я переписывал отдельные эпизоды, давал читать многим знакомым, чтобы в итоге получить «вылизанную» версию.

И напоследок: позднее главный герой этого ещё дважды появлялся в других рассказах – в моём собственном не очень удачном «Очередь на жизнь», а также мельком в рассказе Ольги Громько «Замок с секретом».

Оставалось почти семьдесят лет, но что можно сделать за такое ничтожное время?

Мысль проскользнула в мозг новорожденного, да так и осталась без ответа – тело младенца наконец взяло власть в свои руки, отключив сознание чёрта по имени Барток.

Ласковые руки подняли малыша, но он, потревоженный, лишь закричал в ответ...

Ни разу за всю свою жизнь Пётр Васильевич не думал, что конец его будет именно таким.

Вообще-то умирать никто не хочет в принципе, но раз уж избежать этого не дано, каждый в конце концов выбирает себе свой собственный идеальный вариант смерти.

Говорят, в древности любой воин желал встретить свою смерть на поле боя, предварительно отправив в тёмные чертоги как можно большее количество врагов.

Но люди, которых боги не наградили судьбой героя, уже тогда предпочитали умереть во сне. Тихо и благородно уйти на покой, никого не пугая, а главное – не боясь самому.

Вот так и Пётр Васильевич в свои почти семьдесят лет уже давно решил: умереть надо тихо. Так тихо, будто тебя и не было вовсе. Дети давно выросли и разъехались кто куда, жена покинула этот мир двенадцать лет назад. Умри сейчас в своей квартире, и о тебе вспомнят, лишь когда ты в положенное время не появишься в конструкторском бюро.

Именно так хотел умереть Пётр Васильевич. Хотел, но почти незаметно, в один миг всё обернулось совсем по-иному.

Ветер, который не был замечен в течение всего дня, вдруг стал холодными бичами хлестать по лицу. Он будто пытался остановить человека, решившегося на самый последний в своей жизни шаг.

Пётр Васильевич взглянул вниз. Кажется, не так уж это и много – двенадцать этажей.

Принять такое решение было далеко не просто. Ещё тяжелее было его осуществить.

Старик тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от снующих внизу фигурок людей. Затем резко вскинул голову, пробормотал совершенно неуместные в данной ситуации слова: «Один раз живём!» и шагнул в бездну.

Когда Пётр Васильевич открыл глаза, первым, что он увидел, было его собственное тело. Мёртвое тело. Тело старика, лежащего в какой-то неестественной, невозможной позе. Только потом до него дошли истошные крики молоденькой девушки, которую угораздило в момент падения оказаться совсем рядом.

Толпа собралась почти мгновенно, люди обступили тело самоубийцы со всех сторон, но подходить к нему близко никто не спешил. Откуда-то вдруг появился милиционер и, не найдя пульс, коротко ответил на немой вопрос в глазах напарника, только что пробившегося сквозь толпу: «Мёртв». Сухо, без эмоций. Простая констатация факта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.